

Шаос спустилась по скрипучей лестнице, сколоченной совсем не под её габариты - чтобы встать на ступеньку ниже, девушке каждый раз приходилось отпускать руки и совершать небольшой, но всё равно опасный прыжок, рискуя оступиться, не ухватиться или же иным каким образом грохнуться. А как она потом планировала вылезать? Да кто знает. Но когда прижмёт - тогда и придумает что-нибудь, но теперь же она шла по тянущемуся в даль земляному тоннелю, как-то помаленьку подпёртому балками и досками, причём пол его довольно круто уходил вниз, настолько, что иногда ей приходилось расправлять руки и притормаживать, а то и искать опору в стенах, лишь бы не упасть. А земля, и неважно сверху, снизу или по бокам прохода, порой была заляпана чем-то белёсым и блестящим, будто бы слизью. Что вполне логично, учитывая врагов, с которыми ей предстояло столкнуться.

Спустя же добрый десяток метров уходящего под землю коридора, она увидела слабое голубоватое сияние, идущее из каменной расселины, которой этот проход как раз и оканчивался. Вполне себе широкой для того, чтобы через неё мог пролезть взрослый человек... не являющийся хоббитом или представителем иной низкорослой расы. А за ней же, минуя лишь небольшую, всего ей по колено ступеньку, она спрыгнула на земляную насыпь, оказываясь в приличных размеров пещере. С каменными сводами и расставленными кадками вдоль стен, в которых росли... кое-как ещё виднелись разорённые грибницы, густо перемазанные той же блестящей, уже высохшей слизью. Как и пол, как и стены, как и... в общем, всё тут. Что Шаос невольно захихикала, ассоциируя это зрелище с одним из бурно проведённых ею вечеров в компании парочки незнакомцев.

Как предприимчивый фермер умудрился отыскать в одном из домов ход, образованный тем образом, что размягчённый болотом грунт сполз сквозь разлом в покоившуюся под землёй пещеру - вопрос хороший, наравне с тем, коим образом ему в голову пришла идея разводить в таком месте наркотические грибы, но устроил он здесь всё неплохо. По периметру, всё пространство пещеры было занято сколоченными из досок кадками, заполненными принесённой извне плодородной землёй, так же как и каждая из них была оборудована подвесом с закреплённым в нём слабо светящимся кристаллом, а также ёмкостью для воды, которая постепенно, по капле за каплей, увлажняла почву и позволяла посещать ферму лишь раз в неделю. Причём водная жила проходила прямо здесь же - стекала по одной из стен, по трещине в камне, и с виду была даже притягательно свежей и чистой. Сейчас же всё это было разворочено: кристаллы валялись на земляной подстилке, ёмкости для жидкости - перевёрнуты и погрызаны. Многим из клумб так же досталось, где-то их поломали, где-то - разрыли, пожрав сами грибницы, а где-то наружу пробивался лишь самый свежий, в день сроком, урожай.

И Шаос дивилась всему этому, прохаживаясь по залу и привставая на носки с целью косо, с опаской взглянуть на эти кругленькие шляпки совсем молоденьких грибочков - белых, с небольшими голубыми пупырышками... Она не любительница такого, отнюдь, но в той клоаке жизни, где ей пришлось просуществовать длительное время, не попробовать такое было невозможно. Голову отбивало знатно. А учитывая, что принимала их она не сама, а ей их давали, и не всегда спрашивая её мнения - кончалось всё так, о чём приличный человек вспоминать не должен. Лиза же приличным человеком не была, и поэтому ехидно соскалила зубки, медленными движениями поглаживая животик.

Может быть.... взять парочку? Так, просто на память!... Нене, не стоит. И хотя она, висая одной рукой на краю клумбы, и полезла в неё другой, но лишь с целью рассмотреть растение

получше... в голове её возникла закономерная мысль.

Всё было так. И заброшенная деревня, и подземная ферма, даже разорённая... одно не сходилось. Она не видела ни единого слайма. А ведь мало того, что кто-то всё тут разворотил - так, судя по состоянию съеденности молодняка грибов, это происходило здесь регулярно. Но не успела её мысль толком развиться, как она, едва коснувшись шляпки гриба своим маленьким пальчиком - заставила её упасть, будто бы она и вовсе на ножке не держалась... И в ней, изнутри выжирая всю её мякоть, свернулся мясистый слизень!

- Фу, мелзость! - Сказала Шаос, встряхивая рукой и отпрыгивая назад, что в сей же момент оцупила, как под пяткой что-то влажно раздавилось. - Н-ну блин!..

Девушка, стоя на одной ноге, глянула на подошву, на эту мерзкую слизь, тянущуюся к ней от тушки раздавленного ей слизняка. И вот только сейчас она обратила внимание на то, что... на то, что здесь было, в общем-то, не мало этих гадов...

- Слизней? - Вслух спросила она.

О слаймах же и речи не было. Азаэль говорил о слизнях. Об этих мерзких, скользких моллюсках! И Лиза, трясая руками, на одних только носках, отскочила ещё пару шагов назад, в направлении выхода, ибо к битве с этой мерзостью она не готовилась. Но нога её опять наскочила на что-то мягкое... и в этот раз - более крупное и упругое, что выдержало вес восемнадцатикилограммовой ехидны, зато сама она споткнулась, падая рядом с этим жирным, двадцатипятисантиметровым слизнем, благополучно пережившем её ботиночек.

- И-извини, я... я не хотела, и... - Рука её вляпалась в густую лужу слизи, заставляя снова поморщиться... и, неким бесом, глянуть наверх, на свод пещеры...

Что это было такое? Весь потолок был... каким-то влажным, как будто бы органическим. И он... слегка, едва заметно шевелился, потому что...

Шмат "мяса" свалился с него, упруго падая на землю в каком-то метре от Шаос, заставляя девушку сжаться. Слизень. Огромный, сука, метровый слизень, блестящий и сокращающийся, поднял свою башку, таращась в её сторону своими стебельками глаз, и дамианка, отталкиваясь ногами, поползла к выходу... И снова что-то упало - со стороны её спины, заставляя девушку уже дёрнуться вперёд, становясь на колени и вскакивая во весь рост. Трясущейся рукой, она попробовала сорвать с пояса булаву... но, проклятье, она не знала, как это делать! Петелька как-то крепилась за её пояс, но как?! В итоге она, слыша, как всё больше и больше слизней падает с потолка, часть из которых, поменьше, приземлялась ей на голову, запутывалась в волосах и повисала на ушах, она расстегнула сам пояс и... и каким-то совсем неловким движением взмахнув рукой - бросила его перед собой, вместе с булавой и огненным зельем, что не осталось ей ничего более, кроме как и самой кинуться за ним следом... но наступить ещё на одного слизня, влажно лопнувшего под ногой - и, шумно выдыхая, грохнуться плашмя на спину, чудом лишь не ломая себе крылья, но сотрясая больной мозг.

Что заставило её схватиться за голову и замереть на какие-то жизненно необходимые секунды... пока ещё один, сантиметров в восемьдесят длиной слизень не упал прямо напротив её расставленных ног и...

Шаос сглотнула, глядя на это уродливое существо, с этим гадким, похожим на... пардон, п*зду с хищной присоской внутри рта... и замерла. Боль в голове уже отступала, и она... вроде как, могла попробовать встать, но... вид этой твари, ползущей в направлении уже раздвинутых ног... заставил её помедлить. Прокрутить в голове нехорошую мысль и...

С плотно стиснутыми веками, крутя головой - она приподняла таз над землёй и чередой рваных движений стянула с себя бельё, заставив его болтаться на левой щиколотке, и подалась вперёд, этим же самым задирая платье вверх, чтобы предстать перед слизнем пухленьким копытцем и мягким животиком, украшенным сердцевидным символом-меткой.

- Л-лиз, ты такая глупая! Такая!...

Холодная нога моллюска коснулась её промежности, снова заставив поморщиться - это было мерзко и грязно, но она всё равно хотела этого! Хотела слиться с гигантским слизнем, во что бы то ни стало совокупиться с ним!

- Д-давай... Давай, только... только не е-ешь меня!.. - Тихо проскулила ехидна, поглаживая существо по липкой голове. И оно её даже почти не боялось - чуть втянуло в себя свои рожки, но продолжало ползти вверх по её телу, прижимая к её не менее влажной промежности свою присоску. Главное, чтобы оно поняло, что от него хотели!

И он... он, блин... не, не он. Они, кажется, поняли, что сейчас намечалось, ибо, когда она бросила короткий взгляд вокруг - все эти твари обступили её плотным кольцом, что даже ей, с её-то ножками, и то стать бы было негде. Большие, метровые или около того, и поменьше - от пары десятков сантиметров и менее, они окружили её, но не двигались. Смотрели. Издавали какие-то влажные, шаркающие звуки - но лишь смотрели. И ждали.

И Шаос, прищуривая глаза на красном от стыда лице, плавно свела ноги вместе, осторожно обхватывая желеобразное тело и прижимая его к себе...

Полностью накрывший собой дамианку слизень приподнял вверх свою попку - и плавно выпустил наружу прозрачно-жёлтую трубку, мягкую и всю в слизи, прямо сочащуюся ею, чтобы таким же плавным движением начать опускаться, проникая этим отростком меж двух плотно сжатых валиков её безволосой киски. И Шаос, от этого холодного омерзения, по мере того, как эта трубка, пусть и без боли, но начала погружаться в её короткое полуросличье лоно, опять заскулила.

- Да... Даа!.. П-плавило, а тепей... а тепей двигайся и... о-отлозы в-в меня своё... своё потомство...

Достигнув входа в её матку, но не проникнув в неё, слизень начал совершать волнообразно плавные движения, потирая особенно чувствительные части девушки, из-за чего она начала сперва тихо пыхтеть, а скоро - едва слышно поскуливать. И с каждым разом надавливая чуть сильнее, чтобы натянуть её маточное кольцо побольнее, а проникнуть - чуть глубже. Слизень трахал её. Определённо трахал, понимая, что он делает, и в любой момент, хоть сейчас, хоть спустя... к примеру, полчаса - он должен был кончить. И Шаос, густо краснея лицом, но всё равно бросая взгляды меж прижатых к лицу пальцев, была готова считать секунды до точки невозврата. Ведь если все дамиане - бесплодны и дети от их союза со своей и иной расой всегда и без исключений рождаются мёртвыми, а именно бездушными, то Шаос в этом несколько отличалась. Ведь она была ехидной. Матерью монстров, если говорить проще. И хотя они выделялись и просто повышенной фертильностью, а также способностью горааааздо быстрее вынашивать потомство, не менее интересной особенностью была их половая совместимость практически со всеми видами даже неразумных тварей... и суть была в том, что от такого "союза" потомство уже рождалось вполне себе жизнеспособным... И потому, если этот слизень... когда этот слизень вольётся в неё - она практически гарантированно забеременеет. И спустя всего лишь какую-то неделю породит на свет ещё больше таких же тварей.

- Я... я понесу о-от слизня... мелзкого... л-липкого слиз!..

Желатиновая трубка сжалась - и упруго проскочила через её кервикс, хлестко выпрямляясь внутри её матки, и Шаос, коротко пискнув - сильнее сжала тело моллюска ногами, прижимая его к себе, заставляя войти на полную, скрутиться внутри неё, смяться и!..

Шаос выдохнула, расслабляясь и тяжело дыша. Она кончила. Сердце её, бешено колотившееся, стало успокаиваться, выравнивая ритм, углубляя его, и она протяжённо застонала, погружаясь в сладкую негу, пока тело её сотрясала мелкая дрожь... Слизень же продолжал липко тереться о её тело, влажно чавкая и заполняя её матку выделяющейся на поверхности трубки слизью. Медленно, но ритмично и настойчиво, будто бы откладывая неизбежное и заставляя Шаос вдоволь наволноваться о том, что её ждёт.

- О... осемени... меня!.. - Сказала голубоволосая девка, находя уже наконец силы, чтобы снова сжать ноги на спине этого гада, и... и это у неё не получилось, потому что.... что-то стало не так, ноги уже не сводились...

Второй слизень, лишь чуть меньшего размера, полз в направлении её торса, уже касаясь своей присоской её животика, мягкого и покрытого, а также вдоволь забитого изнутри слизью, скользя по нему и занимая... занимая, на пару с тем, что уже трахал эту ехидну, место меж её ног. И хотя первому пришлось чуть подвинуться, выпустив трубку побольше, чтобы продолжать двигаться внутри её матки, не покидая её - он сам уже плотно и полностью занимал собой всю ширину её лона, и второму... второму пришлось напрячься посильнее, проникая в узкую, но готовую и способную расширяться дырку Шаос.

Однако это было уже больно, и девушка, подёргивая бёдрами, попыталась чуть отползти, но... Но, стиснув губы и издавая горлом длинный стон - она раздвинула ноги как можно шире, в то же время задирая их вверх и плавно подёргиваясь в такт уже двух не слаженно трахающих её слизней. То проникающих в неё по-очереди, то - вторгающихся одновременно под аккомпанимент влажного потирания друг о друга, а также мокрых, чавкающих звуков,

издаваемых её терзаемой в два конца киской.

Она стонала. Кряхтела и скулила, дёргалась - то стискивая зубы, то безвольно распластываясь на земле. И кажется, она кончила под ними уже три или четыре раза, а они, уже с ног до головы покрыв её тело своими скользкими выделениями, продолжали вторгаться в её матку, уже настолько плотно набитую всё той же слизью, не способной при этом куда-то деться, ибо кервикс её плотно сжимал погружённые в него трубки, что животик лишился мягкости и стал плотненьким. И они ёрзали внутри неё. Пусть и гладкие, пусть и скользкие - но она чувствовала каждую их шероховатость, каждую зернистость этого аморфного тела, и это сводило с ума. Она одновременно хотела, чтобы они кончили - и одновременно желала, чтобы это длилось подольше. Чтобы они вы*бли её на неделю, на две вперёд, и думать о сексе ей было просто противно. И они, эти неумные, тупые животные, казалось, именно так и собирались поступить.

- Позалста... - Пищала она, откидываясь назад и ударяясь о землю затылком, крутя головой, по волосам которой уже ползали более мелкие гадёныши. Те же, что ползали по её рукам, по одежде. И под одеждой... - К-контите... узэ!

Когда она приподнимала голову - то видела, между двух этих тел, как эти две железные, плотно прижатые друг к другу трубки, такие чуждые и противно чужеродные, погружались в неё, оставляя на её коже ещё больше своей слизи, стекающей и жирными каплями падающей на землю, заставляя чувствовать под собой сырость... А потом...

А потом случилось сразу два "потом" - тела этих слизней, под напором чего-то ещё, начали расходиться в стороны, уступая дорогу...

- Т-тли?! Я не могу слазу с тлемя!..

Только этот был какой-то... не такой. В окраске ли было дело, в форме тела или как, но трубка его тоже была другой - если у тех она была толстой, но пустотелой, то у этого - гораздо более узкая, но с виду более твёрдая и плотная, и... Шаос заскулила, когда третий орган стал погружаться в её уже растянутое лоно, н-но блин! Она... была способна принять в себя и его, только... только это было весьма больно!

И она уже покусывала край своего ошейника, когда под одеждой, на её левой груди, сошлись два жирных холмика... и что-то болезненно кольнуло. Два слизнюшка поменьше, сантиметров по десять каждый, сошлись у её маленького розового сосочка на мягонькой, едва осязаемой груди - и, также выпустив из своих попок жёлтенькие трубочки - погрузили их в узкую, плотно сжатую дырочку. В каналец, что вёл в её ехидновские молочные железы.

- Неее-не, не надо туда!..

В живот что-то ударило, повышая давление в матке... до болезненного - и она, чувствуя, как что-то... мягкое, пружинистое проходит сквозь её маточное кольцо, словно бы целыми гроздьями, заставляя живот на глазах округляться и...

Первый слизень-самка начал откладывать в её матку свои яйца, заставив Шаос позабыть обо всём - и, с долгим скуляжём кончить, чтобы потом, с высунутым от похоти языком и прижатыми к мокрому от слюны и слёз лицу руками, она почувствовала, как и вторая слизнючиха ввела в неё свои яйца, раздувая её живот и заставляя снова содрогаться от вожделения, биться в истерике и...

Третий слизень оказался самцом. И в качестве закрепления успеха - он взбрызнул отложенные в девушку яйца, оплодотворяя их... их - и её. Агрессивное семя набрасывалось на всё, что могло - и личные яйцеклетки ехидны, готовые принять в себя любые сперматозоиды, не стали исключением. И её собственные яйца, так же оплодотворённые незнамо кем, выбросились из яичников, приликая к стенкам матки, чтобы начать развиваться в новую жизнь...

Девушка, с измученным стоном, растянулась на земле и заплакала, пока слизи, удовлетворившие свой инстинкт, начали расползаться. Почему... она не могла как-то ещё? Зачем она сама раздвинула перед ними ноги? Ведь сейчас, внутри неё...

Но когда одни начали расползаться - то другие наоборот, ещё не закончили. А им ведь тоже хотелось оставить потомство? Да, хотелось. И ещё один слизень-самец начал лезть на испуганную ехидну, не верящую своим глазам и лишь покачивающую головой...

И!.. И-и всё же - он вошёл в неё, заставив полуполурослицу дёрнуться, когда белковая трубка ткнула её в растянутую матку, минуя порядком уставший кервикс... и снова - всё по-новой... И снова слёзы потекли по её лицу, снова - жалкие стоны и пiski, попытки сжать мясистое тело ногами - и снова ей не дал это сделать второй гнездящийся у её промежности слизень. А потом и яйца, уже отложенные внутрь её тела - часть из них, кажется, лопалась, пока её имела следующая пара моллюсков...

Впрочем, скоро она и стонать больше не могла, а только беззвучно глотала ртом воздух...

А спустя ещё какое-то время - одно из существ напоззло на её лицо, вводя свою трубку в её пищевод... и с противным ощущением откладывая в него свои яйца, падающие прямо в желудок.

Определённо, это был слабейший из монстров. Если дамиан можно назвать монстрами.

Азаэль отработал свою полную смену - все девять часов, и ещё три в навесок, минуту в минуту. Больше было уже не по правилам, а правила он уважал. Затем он неторопливо убрал в стол бумаги, задёрнул на окнах занавески, поднял с пола всех мух, которые тут сдохли от воспроизводимой им в моменты размеренной работы тоски - и сгрузил в спичечный коробочек, чтобы потом выкинуть в мусорку. А коробочек - оставить, до следующего раза.

И всё, кажется, было замечательно. Разложенное и на своих местах... Теперь же - пора было

идти домой. Приготовить себе скромный ужин, поесть - и лечь спать. Чтобы завтра явиться на свою любимую работу бодрым и выспавшимся...

Дверь за спиной хлопнула - и в комнату, вместе запахом солоноватой сырости, влажно шлёпая подошвами, "вползло" что-то...

- Стой! Стой, Шаос! Стой, н-ни шагу! - Дамианец поднял руки, сдерживая этим покрытое не сохнувшей слизью существо с опухшим от отложенных в него яиц животом. Смотрела она на него сейчас всего одним глазом, потому что второй снова заплыл стекающей со лба слизью, а волосы и одежда плотно облепляли всё тело, словно бы она только что вылезла из воды. И всё это - стекало, длинными каплями падая на его пол, в миг оставляя под девушкой мерзкую лужу. Икринки же более мелких слизней, которые не смогли достать до её матки и потому забили ей её короткую трубку влагалища, держались во многом лишь насквозь промокшим бельём... Да и как держались? Плохо держались, из-за чего икринка-другая но вытекала из девушки вместе со слизью. - Стой там, я...

Не часто можно увидеть почтенного асмодея бегающим - но он пробежался по своему кабинету, до стола и обратно, чтобы вернуться и протянуть Шаос одну жалкую салфетку...

Шаос исподлобья уставилась на этот клочок бумаги... но взяла его - и вытерла им один палец. Которым как раз сняла с шеи компас, за шнурок протягивая его Азаэлю.

- Спасибо. Он большэ не нуэн. - Сказала она и, поскользываясь, из-за чего её тяжёлые, покрытые слизью волосы мазнули по дверному косяку и оставили на нём белёсую мазню, направилась в коридор маленькими шажочками. Дрожа и тихо икая.

Внутри же компаса, вместо стрелочки, на самом кончике шпильки сидел маленький слизнючок, топорща в разные стороны свои глазки-усики.

<http://tl.rulate.ru/book/412/5260>